

УДК 165.1

М.М. Уткина

**КОММУНИКАТИВНОСТЬ НАУЧНОГО ДИСКУРСА
В ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЯ***

Рассматривается специфика коммуникативности науки в обществе знания. Концептуальные положения теории самоорганизующихся систем помогают в рефлексии над феноменом научного дискурса. Последний автором понимается одновременно как метадискурс и внутринаучный дискурс, существование которых обусловлено нелинейностью и многомерностью бытия и мышления в обществе знания. Необходимым условием самоорганизации научного знания выступает интеракция ученых. Коммуникация, руководимая метадискурсом (реализация принципа моральности), призвана помочь в согласовании внутринаучных дискурсов.

Ключевые слова: коммуникация, дискурс, научное знание, самоорганизация, общество знания.

Вторая половина XX в. ознаменовалась распространением ставших пророческими идей Д. Белла, А. Тоффлера, Р. Дарендорфа, П. Дракера и др. о наступлении нового типа социальности – информационного, постиндустриального, посткапиталистического общества («общества знания»). Социум, организованный на управлении знаниями, распространении информационных технологий и внедрении инноваций, уже не миф, а действительная реальность, представляющая собой глобальное коммуникационное пространство.

«Информационное общество вторглось в культурно-исторические «социальности» разного уровня развития, порой не подпадающие под идеалы «современности» (с точки зрения западного критерия эффективного и разумного обустройства социального мира на основе интеллекта и знаний)», – пишет И.А. Мальковская в монографии «Знак коммуникации: дискурсивные практики» [1. С. 35]. Указанный автор высказывает опасения относительно того, действительно ли человечество живет в эпоху информационной и знаниевой свободы, ведь по существу социум не обеспечивает доступ к самим знаниям, а построен «на основе доступа к носителям информации, которые способны упразднить и подменять знания, представлять одну реальность вместо другой» [Там же. С. 37].

Таким образом, естественным состоянием современного мира является одновременное существование нескольких реальностей по образу гиперреальностей, соизмеримость содержания которых находится под большим вопросом (СМК). Говоря языком теории сложноорганизованных систем как универсальной методологии постнеклассической науки, одним из способов проявления которой и является концепция «общества знания», реальный мир – это сложноорганизованная открытая диссипативная система, в которой

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 2012 № 12-03-00193а, проект «Когнитивно-информационный анализ общества знания».

даже малое на нее воздействие может привести ее в новое состояние, причем принципиально непредсказуемое и необратимое. Возможно множественное истолкование и применение данного утверждения: речь может идти об объективном мире как таковом (природном или социальном), динамично эволюционирующем и предстающем перед исследователем каждый раз своим новым состоянием, а также о мире науки, который, с одной стороны, по способу функционирования и структурирования есть та же самая открытая эволюционирующая система, а с другой стороны, деятельность, направленная на изучение нелинейного мира. Проявления корреляции всего вышперечисленного очевидны – в обществе формируются различные дискурсы, которые выполняют функцию истинного знания. Любое знание, в том числе и научное, это всего лишь правдоподобная версия интерпретации события. «В основе культуры информационного общества лежит принципиальная возможность одновременного выбора нескольких вариантов кодирования, передачи, восприятия и творческой переработки информации» [2. С. 498]. Л. Филлипс и М.В. Йоргенсен утверждают, что «дискурсы можно рассматривать как фиксацию значений, которые находятся в неустойчивых отношениях. Дискурс – особый способ репрезентации мира (или какой-то его части)» [3. С. 233]. При всей внешней корректности данного определения авторы придают большое значение определению четких границ дискурсов друг от друга, что с точки зрения нелинейного мышления кажется не вполне целесообразным, таким образом, дискурс их глазами выглядит как статичная система.

А.Л. Никифоров приводит ряд доводов в поддержку философско-научного определения знания, согласно которому «знание есть то, что выражается обоснованным, общезначимым, интересубъективным предложением или системой таких предложений» [4. С. 63]. С этой точкой зрения можно согласиться, только если рассматривать научное знание как некое явление, существующее в одномерной реальности. Научное знание сегодня, представленное в качестве аргументативного дискурса, не может соответствовать эталону научности, разработанному в позитивистской традиции, не может быть однозначным, как того хотела классическая наука. В «обществе знания» объективность научного знания обретает новое звучание: она выступает не как единственно верное отражение действительности, соответствие знания об объекте самому объекту (копия, фотография), а предстает как «общая субъективная реальность».

Принципиальная размытость границ открытых систем в науке реализуется, с одной стороны, как идея отказа от дисциплинарной структуры научного знания, а с другой – как ситуация сосуществования в рамках одного научного сообщества ученых – представителей трех парадигм – классической, неклассической и постнеклассической. При их несоизмеримости, согласно тезису Куна – Фейерабенда, они все же демонстрируют приверженность эталону научности вообще, т.е. мы способны идентифицировать их как научный дискурс, пусть и принадлежащий разным историческим этапам развития научно-познавательной деятельности.

Итак, о чем идет речь в контексте нашей проблематики? Существует научный дискурс как метадискурс, который осуществляет функцию демаркации между научным и ненаучным, а также выступает как парадигмальный

образец. Но даже в определении демаркационных критериев нецелесообразно придерживаться излишней жесткости (замкнутости), так как это будет сказываться на ситуации неравновесности научного дискурса как сложной саморазвивающейся системы. Причем метадискурс является принципиально устойчивым, но исторически изменчивым. «Историческое развитие научного дискурса, изменения теоретических или эмпирических оснований научной области не должны отменять действия общих и частных методологических регулятивов и процедур научного удостоверения результата» [5. С. 54]. Таким образом, историческая изменчивость идеалов и норм науки не повод для ее дискриминации. Это свидетельство принципиальной открытости науки, а следовательно, и реализация единственно возможного способа ее существования. Очень интересна в этом отношении полемика Ю. Хабермаса и К.-О. Апеля о бытии метадискурса. Хабермас выступает с критикой возможности существования метадискурса, ссылаясь на историческую изменчивость, а Апель настаивает на априорном статусе метадискурса (подробнее см. [6]).

В рамках метадискурса наличествует огромное количество разночтений между представителями разных научных школ. Их можно идентифицировать как внутринаучные дискурсы, каждый из которых по отношению к своему «конкуренту» будет выступать как нечто девиантное, остающееся за пределами нормы, определяемой метадискурсом. «Девиантное применительно к научной коммуникации – это то, что остается за границами нормы в соответствии с гносеологическими, социокультурными, текстотипологическими стандартами и правилами научной деятельности» [5. С. 27]. Одномерное линейное истолкование девиации как отклонение от нормы по сути является выражением классического стиля научного мышления, так как мы вынуждены рассматривать только в категориальной паре «правильное – неправильное». Ричард Рорти также предлагает вариант оценки дискурса в категориях «нормальное – ненормальное», утверждая, что норма присуща наукам, прошедшим этап институализации, когда уже сформировались способы улаживания спорных моментов. «Такие виды дискурса Рорти называет соизмеримыми, и здесь можно положиться на критерии, обеспечивающие достижение согласия. Несоизмеримым, или ненормальным, дискурс остается до тех пор, пока продолжается спор об основных ориентирах» [7. С. 25].

Характер сосуществования внутринаучных дискурсов в ситуации нелинейности бытия и мышления определяется как ситуация несовпадения, например, по следующим параметрам: ориентация на предпочтительное использование разных методов и их комбинации; разница в построении теоретических моделей – совокупности идеальных абстрактных параметров объекта; несхожесть значений терминологических рядов; отсутствие единых предпочтений в представлении результатов исследования (акцентирование внимания на методиках исследования или же на конкретных полученных эмпирических данных и их интерпретации); расхождения в ракурсах рассмотрения и стилистике научного текста и т.д. Сам факт существования внутринаучного дискурса определяется наличием интеракционных взаимоотношений в «мини-сообществе», например, сообществе одного исследовательского института или научной школы, так как, согласно М. Полани, условием «успешного функционирования научного коллектива является приобретение его членами

общих «интеллектуальных навыков», которые, не будучи всецело эксплицируемы, составляют фундамент совместной работы ученых» [8. С. 10]. Внутринаучный дискурс не может быть укоренен в сознании только одного субъекта научно-познавательной деятельности; он есть достояние сообщества.

Таким образом, научный дискурс в зависимости от сферы употребления может быть одновременно идентифицирован как метадискурс и как внутринаучный дискурс (очень близко к нашему употреблению Л. Филлипс и М.В. Йоргенсен используют понятия «дискурс-строй» и «дискурс» соответственно [3]).

Внутринаучные дискурсы, будучи открытыми диссипативными системами, подвержены воздействию извне. В научной среде одним из таких способов воздействия служат всевозможные интеракции между учеными – представителями разных внутринаучных дискурсов. Именно такая интеракция выступает условием конструирования порядка и соответственно нового уровня их самоорганизации. «В дополнение к организованным посредством различных институтов науки официальным каналам научная информация интенсивно распространяется по принципам самоорганизации и в режиме сетевого взаимодействия» [9. С. 565].

Ярким примером процесса самоорганизации, конструирования порядка в диссипативной системе «наука» послужит такая институциональная форма научной коммуникации, как конференция. Попробуем соединить теорию с реальными наблюдениями за поведением ученых, свидетелем которого был сам автор. Итак, научная конференция – это форма организации научной деятельности, при которой исследователи представляют и обсуждают результаты своих научных изысканий. Конференция, предполагающая очное участие, способствует оперативному обмену информацией и интеграции внутри научного сообщества. Их одновременное нахождение в ситуации тематического и организационного единства словами синергетики есть демонстрация рожденного порядка, который не нарушается даже после окончания мероприятия, а реструктурируется в новый уровень организации их знаний. Опишем тот же самый пример в категориях теории дискурса. На крупных конференциях, как правило, государственного или международного уровней, сталкиваются представители различных внутринаучных дискурсов. Их объединяет принадлежность к единой тематике, организационной структуре мероприятия и подчиненность метадискурсу. Метадискурс нацеливает на взаимопонимание, а внутринаучные дискурсы препятствуют его установлению. И раз мы признаем наличие вариативности дискурсов в мире, то мы должны определить, как должен оценивать происходящее сторонний наблюдатель (в нашем случае автор статьи). «Цель дискурс-аналитика состоит не в том, чтобы выйти “за пределы” дискурса и выяснить, что люди действительно имеют в виду, когда что-либо говорят. Она также и не в том, чтобы обнаружить реальность “за пределами дискурса”. Отправная точка – это то, что реальность невозможно рассматривать вне дискурса» [3. С. 49]. То есть исходный пункт для наблюдателя – это признание наличия вариативности дискурсионного поля и последующее вживание в ситуацию. Наблюдение как метод не дает нам возможности проникнуть в суть происходящего, поэтому, опираясь на него, мы опишем только внешнюю сторону запечатленного процесса. Докладчик в

монологической форме в течение определенного времени репрезентирует содержание своих исследований с последующим межсубъектным обсуждением в формах «вопрос – ответ», полемики или высказывания комментариев и замечаний выступающему. Зачастую самые первые вопросы демонстрируют диссонанс во взаимопонимании между спрашивающим и отвечающим. Это визуализация противопоставления пары «Я» и «Другой», который «не-Я». Спецификой каждого «Другого» являются его личные ценности и убеждения, избранные средства и методы, терминологические ряды и т.д. Но если рассматривать научное сообщество как совокупность множества «других», то почему это нас не приводит к позиции агностицизма, так как мы представители различных внутринаучных дискурсов будем друг с другом несоизмеримы или в лучшем случае при частичном совпадении горизонтов понимания мало соизмеримы.

Вернемся к описанию нашей ситуации: в какой-то момент наступает перелом и «иностранны» начинают понимать друг друга, как будто две рации настроились на одну частоту. Произошла подстройка: скорректировалось употребление терминологии, прояснились методология и ход исследования, проинтерпретировались в едином горизонте представленные выводы и т.д. И только с этого момента начинается конструктивный диалог между «Я» и «Другим», способный детерминировать реорганизацию концептуальных положений всех участников обсуждения. Конечно, нами была представлена идеальная модель интеракции ученых во время конференции. Реальность же такова, что конструктивный диалог между представителями внутринаучных дискурсов порой так и не начинается, так как не происходит преодоления разными «Я» собственного эгоизма и сосредоточенности на «Другом». Каждый ученый, относящий себя к представителям аргументационного сообщества, всегда должен быть готов совершить самопожертвование (self-surrender) [10. С. 306].

Коммуникация призвана помочь установить контакт между внутринаучными дискурсами, но это не означает их принципиальное сведение в одну универсальную теоретическую конструкцию, претендующую на единственно возможное (в рамках метадискурса науки) объяснение и интерпретацию действительности.

Взяв за основу концепцию коммуникации как ряда трансформаций в движении к обще(значимому), предложенную И. Клюкановым в произведении «Коммуникативный универсум» [11], мы попытаемся определить созидательное начало коммуникации. Им были выделены следующие трансформации:

- 1) обращение отправителя сообщения к его получателю, его вызов с помощью различных сигнальных средств;
- 2) символическое взаимодействие в том или ином актуальном контексте в попытке понять «Другого»;
- 3) сведение значения к чему-то общему, к определенному порядку, интерсубъективно создаваемому и признаваемому в качестве общезначимой действительности;
- 4) соотнесение субъектом себя со всем сущим, признание всего как своего;

5) как первая, но полностью не тождественная ей.

Стадии коммуникации, которых он выделяет четыре (пять), наглядно демонстрируют ситуацию взаимосвязи бытия знания и коммуникации. Эти трансформации можно интерпретировать как ситуацию подготовки, вхождения, понимания и принятия. Это фазы слияния субъектов и рождения в коммуникативном порыве знания. Таким образом, специфика научного – коммуникативного «пространства равноправных в своих позициях иноверсий культурных смыслов, носителями которых выступает множество субъектов научной деятельности, заключается в бесконечности процесса достижения согласованности <...>, в поиске плодотворных форм взаимодействия субъектов <...>» [9. С. 570]. Ранее нами уже предпринималась попытка выяснения основы согласованного действия в научном сообществе [12]. Мы обосновывали тезис о том, что согласованию интересов участников коммуникативного сообщества способствует руководство априорными нормами аргументативного дискурса (стремление к объективности, истинности как модусов intersubjectивности знания), которые в контексте концепции дискурсивной этики рассматриваются как реализация принципа моральности.

Согласование, достигаемое в коммуникации, становится важнейшим условием существования многомерной науки. Таким образом, «синергетика становится способом не просто открывания, но и создания реальности, способом увидеть мир по-другому и активно встроиться в этот мир» [13. С. 71] (этимология – название теории самоорганизующихся систем – синергетики как раз и восходит к греческому *synergetikos* – совместный, согласованно действующий).

Данный публикуемый материал является наглядной демонстрацией всего вышеизложенного – версией, особой интерпретацией вопроса о коммуникативности научного дискурса в обществе знания, принимаемой в качестве системы, открытой для воздействия извне.

Литература

1. Мальковская И.А. Знак коммуникации: Дискурсивные матрицы. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 240 с.
2. Селиванова О.Б. Культура информационного общества. Глобалистика: энциклопедия / Под ред. И. Мазура и А. Чумакова. М.: Радуга, 2003. 1328 с.
3. Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод / М.В. Йоргенсен, Л.Дж. Филипс: пер. с англ. Х.: Гуманитарный центр, 2008. 352 с.
4. Никифоров А.Л. Анализ понятия «знание»: подходы и проблемы / А.Л. Никифоров // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. XXI, № 3. С. 61–73.
5. Чернявская В.Е. Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ / В.Е. Чернявская. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 240 с.
6. Назарчук А.В. Ю. Хабермас и К.-О. Апель: два подхода к обоснованию теории общества в современной немецкой философии / А.В. Назарчук // Русский филологический вестник. 1998. № 5. Режим доступа: <http://www.nazarchuk.com/articles/article4.html>
7. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас: пер. с нем. СПб.: Наука, 2001. 380 с.
8. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии / М. Полани: пер. с англ.; предисловие В.А. Лекторского. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
9. Астафьева О.Н. Синергетический подход к исследованию современных социокультурных процессов: методологические основания междисциплинарного анализа / О.Н. Астафьева //

Постнеклассика: философия, наука, культура / отв. ред. Л.П. Киященко и В.С. Стёпин. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2009. С. 564–592.

10. *Апель К.-О.* Априори коммуникативного сообщества и основания этики // Апель К.-О. Трансформация философии: пер. с нем. М.: Логос, 2001. С. 263–337.

11. *Клюканов И.Э.* Коммуникативный универсум / И.Э. Клюканов. М.: РОССПЭН, 2010. 256 с.

12. *Уткина М.М.* Коммуникативное сообщество: феномен порождения нового научного знания / М.М. Уткина // Интеллектуальный потенциал Сибири для развития России: Философия – Наука – Образование: сб. статей Второй Всерос. науч. конф. «Сибирский философский семинар». Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012. С. 36–39.

13. *Князева Е.Н.* Антропный принцип в синергетике / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов // Вопросы философии. 1997. № 3. С. 62–79.